ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,

О

ПРОИСХОЖДЕНІИ И ДУХѢ

ЛИТЕРАТУРЫ,

ЧИТАННАЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ САНКТПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

Адъюнктъ-Профессоромъ

А. Никитенко,

Августа 26, 1832 года.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи Н. Греча.

1833.

Печатать позволяется:

С. Петербургъ, Мая 20 дня, 1833 года.

Ценсоръ П. Гаевскій.

Вступительная лекція Россійской Словесности: о происхожденіи и духѣ Литературы, читанная въ Императорскомъ С. Петербургскомъ Университетѣ Адъюнктъ-Профессоромъ А. Никитенко, Августа 26, 1832 года.

„Намъ стремиться должно къ тому, чтобы соединить въ одно умъ, открытый для всѣхъ благородныхъ впечатлѣній, для всѣхъ успѣховъ просвѣщенія общаго и сердце, страстно любящее *свое*, гордящееся своею народностію и кому, какъ говоритъ Омеръ, и дымъ отечества пріятенъ и любезенъ.“ (Рѣчь Г. Президента Императорской Академіи Наукъ по случаю первой раздачи Демидовскихъ премій.)

Милостивые Государи!

Приступая къ бесѣдованію съ вами объ отечественной Словесности, я долгомъ почитаю предварительно обратить вниманіе ваше на тѣ основныя понятія, изъ коихъ развивается систематически сіе ученіе. Засимъ намъ легко будетъ увидѣть, въ какомъ отношеніи оное находится къ образованности народной вообще и къ усовершенствованію васъ самихъ.

Для достиженія сей цѣли послѣдуемъ за развитіемъ духа человѣческаго: ибо въ Природѣ и судьбахъ онаго содержится начало и конецъ всякаго вѣдѣнія.

Человѣкъ долженъ удовлетворить на землѣ

разнообразнымъ требованіямъ своей многосложной Природы. Каждая изъ силъ ея возлагаетъ на него свой законъ, который надобно или умѣть подчинить высшему, или исполнить. И чувственность не всегда требуетъ жертвъ незаконныхъ; ея права вносятся въ то же святилище души, гдѣ силы высшія, кажется, заняты единственно попеченіями, ей противоположными; самъ разумъ, наконецъ, позволяетъ ей принять участіе въ дѣлахъ человѣкоуправленія. Но гдѣ чувственность занимаетъ только то мѣсто, которое принадлежитъ ей по праву, тамъ духъ предъявляетъ свои требованія, — и ихъ-то сознаніе и мудрое онымъ удовлетвореніе составляетъ столь же прекрасное, сколь и чудесное явленіе на землѣ — жизнь истинно-человѣческую. Такъ и Природа и самый духъ дѣлаются для насъ задачею, коей рѣшеніе есть камень соблазна и чаяніе языковъ. Здѣсь мнѣнія сверкаютъ, какъ искры въ сумракѣ нравственномъ; система возстаетъ на систему; столпъ Вавилонскій созидается на развалинахъ другаго. Вы видите умъ человѣческій стремящимся съ суетностію дитяти и упорствомъ мужа — за тѣнью, которую вселенная отбрасываетъ на него въ исполинскомъ своемъ теченіи.—Уже не нужды тлѣннаго существованія напечатлѣются въ браздахъ заботъ на сумрачномъ челѣ человѣка: при свѣтѣ кабинетной лампады и заревѣ мученическаго костра, въ оковахъ, подносся

чашу яда къ засохшимъ устамъ, онъ проситъ еще отъ жизни изнемогающей — *истины*!

Между тѣмъ, какъ сіе преобладающее стремленіе мчитъ насъ къ самому безконечному, какъ болѣе или менѣе оно бываетъ удовлетворяемо опытами вѣковъ и усиліями мужей, одаренныхъ крѣпостію ума и воли, другое требованіе возстаетъ въ насъ. Я долженъ дѣйствовать среди противорѣчія цѣлей, въ шумной борьбѣ раздирающихъ меня пожеланій; столько различныхъ путей предъ мною, и нѣтъ путеводителя. Я преданъ въ сомнительную власть самого себя — я свободенъ. Что жъ я изберу? Вотъ сладкія прельщенія страстей съ ихъ упояющими восторгами, вотъ хладное благоразуміе съ его эгоистическою честностію, съ его расчетливою подлостію, которою покупаетъ оно у судьбы безъ жертвъ долю мирнаго ничтожества. Но вотъ и строгія обязанности: ихъ грозное могущество сокрушаетъ всѣ поползновенія сердца, требуетъ въ жертву отъ человѣка слезъ, крови и гибели, оставляя ему въ возмездіе — одно уваженіе къ самому себѣ и мысль, что онъ совершилъ долгъ свой. И изъ сего-то мятежнаго противоборства движеній душевныхъ возникаетъ наконецъ идея о вѣчномъ совершенствѣ *добра*, которая, какъ прототипъ, воли свѣтитъ ей въ хаосѣ одолѣвающихъ ее страстей и злополучій.

Это не все. Другіе предметы влекутъ къ себѣ духъ человѣческій. Предметы сіи не имѣютъ

*

ни какого отношенія къ пользѣ житейской они не распространяютъ нашихъ познаній, и даже не назидаютъ насъ положительно въ добрѣ — и при всемъ томъ оказываютъ сильное рѣшительное вліяніе на сердце и судьбу человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ погружается онъ въ глубокія думы предъ симъ лицетвореніемъ исторгнутымъ изъ куска мрамора, или предъ холстомъ, на коемъ возстаютъ другіе фантастическіе образы, какъ мимолетные призраки въ блѣдномъ мерцаніи луны? Зачѣмъ уловляетъ онъ жадною душею сіи разнообразные переливы звуковъ, или сіи размѣренныя, стройныя движенія дѣвъ, когда по словамъ Поэта:

— „Онѣ склонясь главами, ходятъ,
Башмаками въ ладъ стучатъ;
Тихо руки, взоръ поводятъ
И плечами говорятъ."

Такъ! онъ узнаетъ въ сихъ внѣшнихъ формахъ первообразы души своей. Сіи призраки мертвые и хладные красноречиво вѣщаютъ ему устами неподвижными, дивныя тайны бытія совершеннѣйшаго, небеснаго. Изъ сихъ мраморовъ, изъ сего гармоническаго сліянія звуковъ, движеній красокъ возстаетъ предъ нимъ лучезарный геній человѣчества и съ привѣтною улыбкою простирая къ нему объятія свои, зоветъ его, да радостно и мирно опочіетъ онъ у алтаря чистой Красоты, гдѣ служебно предстоятъ ей Истинное и Благое.

Вы видите, Мм. Гг., что человѣкъ необ

ходимо, по законамъ духа своего, съ низшей ступени земнаго, чувственнаго бытія долженъ войти въ высшую сферу жизни, гдѣ дѣятельность его направляется уже по идеямъ *истиннаго, благаго* и *изящнаго*. Это-то удостовѣряетъ насъ, что человѣчество играетъ главную роль въ драмѣ всеобщей жизни. Ему предназначены подвигъ и слава довершить твореніе — своей Исторіей. Міръ физическій уже конченъ въ его устроеніи; въ немъ все измѣрено, исчислено, опредѣлено строгими законами порядка, единожды навсегда установленнаго. Міръ человѣчества еще созидается: и кто можетъ предугадать тѣ нравственныя явленія и судьбы, кои грядущими вѣками будутъ внесены въ его огромную лѣтопись? Правда, Мм. Гг., геній человѣчества представляется намъ часто тоскующимъ на прахѣ того, что было порождено его животворнымъ духомъ; мы видимъ его какъ бы изнемогающимъ въ борьбѣ съ нашими безумными страстями; но не бойтесь за него: онъ могуществененъ и безсмертенъ. Онъ породитъ мужей, которые обновятъ на землѣ завѣтъ истины, добра и красоты; онъ породитъ событія неожиданныя, но благотворныя для насъ. Онъ броситъ сѣмена въ лоно вѣковъ, одряхлѣвшихъ отъ крови и слезъ — и другая Греція процвѣтетъ подъ другимъ небомъ; иныя поколѣнія въ стройныхъ пѣсняхъ на новомъ языкѣ передадутъ другимъ поколѣніямъ память дѣлъ, про-

долженіе и довершеніе коихъ судьба постановила залогомъ очеловѣченія людей.

Какое жъ мѣсто занимаетъ *Слово* и Наука объ ономъ въ мірѣ человѣчества, и въ какомъ отношеніи вообще находится языкъ къ прочимъ силамъ его духа, къ ихъ развитію и усовершенствованію?

Изъ трехъ главныхъ силъ души, отъ коихъ зависитъ ея многосторонняя дѣятельность *ума, воли и чувства*, первому ввѣрена власть возводить явленія внутренней жизни на степень опредѣленныхъ, явственныхъ представленій — на степень *понятій*. Сей-то таинственный актъ духа есть начало его вѣдѣнія и самосознанія. Природа, обхватывая, такъ сказать, человѣка отвсюду волнами необъятной своей жизни, вдругъ срѣтаетъ силу, ей противодѣйствующую, самобытную, предъ которою съ благоговѣніемъ останавливается, какъ бы ожидая суда ея и приговора. Здѣсь-то духъ человѣческій начинаетъ свою первую великую работу: изъ хаоса борющихся въ немъ стихій — ощущеній и созерцаній образуя рядъ безчисленныхъ новыхъ явленій, запечатлѣвая каждое изъ нихъ особеннымъ характеромъ, приводя оныя въ различныя соотношенія, соединяя и раздѣляя, онъ является уже распорядителемъ, а не невольникомъ жизни, истиннымъ властелиномъ и строителемъ своего внутренняго міра. И вотъ гдѣ заключается необходимость и происхожденіе слова — какъ живаго ощущаемаго

образа невидимыхъ, духовныхъ порожденій. Того, что представлялось намъ темно, въ видѣ созерцанія или ощущенія, что сливаясь съ нашимъ существомъ, терялось въ немъ среди органическихъ отправленій и не получило отдѣльнаго отъ него, самостоятельнаго характера, занимающаго какъ бы посредническое мѣсто между предметами и человѣкомъ, — того не было ни надобности опредѣлять знакомъ, ни возможности подвести подъ форму онаго. Но лишь только изъ множества отдѣльныхъ представленій образовалось въ умѣ, по закону отвлеченія, общее ихъ единство — понятіе, мы во глубинѣ самаго сознанія тотчасъ стремимся отмѣтить оное, запечатлѣть знаменіемъ, по которому и угадываемъ его въ ряду другихъ понятій и распоряжаемъ имъ, смотря по потребностямъ нашимъ. Мы не можемъ себѣ представить мысли безъ сего облика, который служитъ ей плотію и органомъ. Такимъ образомъ слово, пріявшее въ нѣдра свои мысль, становится въ свою очередь живымъ дѣйствователемъ нравственнаго міра, крѣпкою пружиною, вращающаго начинанія и судьбы людей.

Актъ сего воплощенія мысли для насъ тайна, Мм. Гг.; но въ изученіи Словесности никогда не должно терять изъ виду сего тѣснаго союза между словомъ и мыслію. Сколь истина сія ни проста и ни очевидна, однако жъ не часто ли случается намъ видѣть однѣ мертвыя формы словъ тамъ, гдѣ законъ Природы тре-

бусть идеи и жизни? Мы не сами изобрѣтаемъ для себя языкъ; онъ достается намъ, какъ наслѣдіе, отъ нашихъ предковъ. Это или формы, уже готовыя, или только элементы для новыхъ формъ. Какъ бы то ни было, а мы отъ сего привыкаемъ смотрѣть на языкъ, какъ на нѣчто внѣшнее, совершенно отдѣльное отъ источника нашей внутренней жизни. Вмѣсто того, чтобы стараться приводить въ тѣснѣйшее родственное соотношеніе мысли наши и всѣ видоизмѣненія ихъ съ запасными оборотами и формами языка, мы употребляемъ послѣднія совершенно механически, довольствуясь въ нихъ, какъ въ фигурахъ калейдоскопа, отливами и разновидною игрою чуждыхъ намъ цвѣтовъ. Для насъ достаточно одного наружнаго блеска, и рѣчи хладныхъ устъ нашихъ столь же мало принадлежатъ намъ, сколько монологъ драматическій актеру, его затвердившему. Такимъ образомъ языкъ, вмѣсто того, чтобы являться только въ качествѣ провозвѣстника душевныхъ движеній, играетъ какъ бы главную роль въ бо́льшей части нашихъ литературныхъ произведеній, коихъ пустота и холодность изумляютъ критика. Такъ обыкновенно мы и учимся языку; учимся безъ Психологіи и Логики, толкуемъ о красотахъ слога, о составленіи фигуръ и троповъ, ни мало не разсуждая о томъ, къ чему послужитъ намъ весь этотъ школьной снарядъ Краснорѣчія, когда духъ нашъ дремлетъ и мы не научились мыслить и любить изящное. Во-

обще можно замѣтить, что у насъ въ кругу нынѣшней умственной дѣятельности существуютъ двѣ противоположныя крайности, которыя должны бы составлять единое: это или ученость безъ Философіи, или Философія безъ учености.

Съ другой стороны, священное желаніе передать другимъ не звуки, но въ звукахъ полноту внутренней жизни, можетъ быть удовлетворено не иначе, какъ съ помощію основательнаго изученія языка. Нѣжныя, глубочайшія движенія души суть вмѣстѣ съ тѣмъ самыя любопытныя, самыя важныя для насъ; но онѣ же требуютъ и большей заботливости о ихъ развитіи и выраженіи. Какъ часто случается намъ не узнавать собственныхъ нашихъ мыслей въ оборотахъ языка, имъ несвойственныхъ! Какъ часто обороты сіи вовсе не обозначаютъ въ нихъ той физіономіи, которая образовалась въ святилищѣ помысловъ нашихъ. Но, для отвращенія сей печальной несообразности, надобно быть запасену обильными средствами языка. Здѣсь требуется глубокое знаніе его стихій, его измѣненій, всѣхъ возможныхъ красокъ и оттѣнковъ: ибо соотношеніе между мыслію и словомъ должно быть непремѣнно родственное и совершенное. Здѣсь нельзя отдѣлаться тѣмъ или другимъ выраженіемъ, употребить тотъ или другой оборотъ, какъ учатъ наши школьные риторы: для всякаго движенія души долженъ быть найденъ особенный, соотвѣтствующій

оному отзывъ въ стихіяхъ языка; въ противномъ случаѣ оно умретъ неразгаданнымъ. И кто знаетъ? можетъ быть, мысль, такимъ образомъ погибшая невозвратно, содѣлалась бы наконецъ для васъ державною мыслію истины и красоты и сообщила бы характеръ новый и важный цѣлому ряду мыслей послѣдующихъ.

Есть два способа изученія языка: одинъ состоитъ въ познаніи механизма его, другой въ познаніи его духа или генія.

Первоначальное образованіе языка теряется, какъ мы видѣли выше, въ образованіи самыхъ понятій: онъ возникаетъ изъ нѣдръ ума со всѣми своими формами, которыя суть не иное что, какъ повтореніе формъ самаго мышленія. Почему справедливо разсматриваютъ языкъ сначала отвлеченно со стороны общихъ условій его возможности. Это собственно предметъ языкоученія философскаго.

Но въ то же время способность сія, какъ и всѣ человѣческія способности, нисходя въ сферу общей жизни и дѣятельности вещей, развивается подъ вліяніемъ законовъ окружающаго ее порядка. Такимъ образомъ обстоятельства мѣстныя, элементы народнаго образованія сообщаютъ и языку народа особенный характеръ, составляютъ изъ него отдѣльную систему, которая держится и движется силою собственнаго своего механизма.

Формы сего механизма остаются однѣ и тѣ же, между тѣмъ, какъ самый языкъ можетъ

измѣняться, обогащаясь новыми оборотами, новыми чертами живописи. Это необходимое слѣдствіе жизни, развитія народнаго духа. Здѣсь не мѣсто уже школьному изученію языка: постигнуть духъ онаго значитъ постигнуть таинственное отношеніе его къ духу народа. Отъ того Исторія перваго можетъ служить Исторіей глубокой внутренней жизни послѣдняго. При такомъ изученіи языка, Мм. Гг., не довольно будетъ одного общаго познанія о характерѣ націи: нѣтъ! здѣсь надобно видѣть, какъ характеръ сей возрасталъ, укоренялся; чѣмъ направляемъ былъ умъ ея въ своихъ соображеніяхъ, чѣмъ плѣнялось чувство, какія картины рисовала фантазія, — словомъ надобно видѣть все разнообразное движеніе нравственныхъ силъ народа, его душу со всѣми переворотами страстей, со всѣми отличительными чертами его недѣлимой физіономіи. У насъ есть свои звуки радости и скорби, свои могучіе обороты для выраженія народнаго самочувствованія, свой колоритъ въ живописи страстей. Къ сожалѣнію, мы мало обогащаемся сокровищами народнаго языка, можетъ быть, отъ того, что мало имѣемъ ученыхъ историческихъ, археологическихъ, филологическихъ пособій: намъ надлежало бы глубже заглянуть въ самые источники онаго. Они еще не изсякли. Это нарѣчія Славянскихъ племенъ, намъ родныхъ, сохраняющія черты языка самобытнаго, который есть родоначальникъ и первообразъ нашего отечественнаго. Черты сіи,

драгоцѣнныя, ничѣмъ незамѣнимыя, потому что онѣ оригинальны, могутъ утратиться въ постепенномъ уничтоженіи племенъ, мѣшающихъ кровь и духъ свои съ народами чуждыми. Но собрать сіи священные остатки, перенести ихъ къ сердцу великой матери Славянскихъ племенъ — Россіи, можетъ только глубокомысленный Историкъ-Филологъ, а воспользоваться оными, поколѣніе, болѣе приготовленное къ принятію и употребленію священнаго достоянія отцевъ нашихъ. Впрочемъ, недостатокъ внѣшнихъ пособій не увольняетъ насъ отъ обязанности изучать духъ отечественнаго языка вездѣ, гдѣ только оный проявляется въ изображеніи внутренней народной жизни. Мы имѣемъ руководителей на семъ пути — мужей оказавшихъ уже твореніями своими незабвенныя услуги отечественному слову. Карамзинъ въ Логикѣ, такъ сказать, Русскаго ума подмѣчаетъ законы лучшаго словосочетанія, которые столько же содѣйствовали сближенію нашему съ Европою, сколько и событія политическія: ибо дали языку нашему сію удобопреклонность къ многоразличнымъ измѣненіямъ, которая необходима намъ для усвоенія разнообразныхъ идей Европейской образованности. Языкъ, неисповѣдимый дотолѣ въ своихъ богатствахъ, какъ судьбы Державы, коей онъ принадлежитъ, уступаетъ силѣ необыкновеннаго дарованія, и принимаетъ на себя напечатлѣнія самыхъ разнообразныхъ, самыхъ нѣжнѣйшихъ ощущеній. Крыловъ для остроум-

ной ироніи своей, схваченной имъ въ изгибахъ народнаго духа, умѣлъ найти и краски совершенно народныя. Пушкинъ, въ стремленіи болѣе отважномъ, находитъ такія же краски для изображенія высокаго эпическаго созданія — характера Пименова въ своемъ Борисѣ Годуновѣ, коего глубокое вліяніе на нашу Литературу еще не оцѣнено нами довольно. Сіи великіе Писатели читали наши лѣтописи, изучали Русскую душу съ ея звуками въ хартіяхъ, преданіяхъ и пѣсняхъ, прислушивались къ языку въ устахъ простаго народа, который еще носитъ въ сердцѣ своемъ чистыя капли крови Славянина и Варяга. Они не гнушались простотою дѣдовъ, которые думали *не мудрствуя лукаво*, и твердою, опредѣлительною рѣчью высказывали то, что думали. Силою сей-то прародительской простоты (повторимъ прежній примѣръ) возникаетъ предъ нами изъ мрака вѣковъ, въ лицѣ старца-отшельника, цѣлый сонмъ сихъ достопочтенныхъ мужей отъ Нестора до Авраамія Палицына, которые въ тишинѣ мирныхъ обителей благоговѣйно и смиренномудренно блюли священную скинію отечества — его Исторію.

Съ сихъ точекъ зрѣнія, Мм. Гг., надлежитъ намъ смотрѣть на языкъ, какъ на орудіе, посредствомъ коего изъемлется нами изъ глубины души нашей внутренняя ея жизнь, и дополняетъ, возбуждаетъ жизнь подобныхъ намъ. Но изученіе языка не составляетъ изученія Литературы: ибо бытіе ея опредѣляется особеннымъ

положительнымъ воззрѣніемъ на человѣка и жизнь, и развитіемъ мыслей и чувствованій, раждающихся отъ сего воззрѣнія. Войдемъ въ нѣкоторыя подробности о семъ предметѣ.

Каждый народъ есть чадо одного и того же человѣчества. Сколько бы онъ силою мѣстныхъ потребностей и судьбами своей недѣлимой жизни ни уклонялся отъ общаго пути, какія бы черты самобытности ни носилъ въ своемъ характерѣ, онъ долженъ трудиться надъ одной великой задачей рода человѣческаго, которой мы не постигаемъ именно потому, что должны разрѣшать оную. Бросьте тѣло по какому угодно направленію: оно должно, по закону тяготѣнія, упасть къ центру земли; такъ и съ народами: то сталкиваясь другъ съ другомъ, то расходясь на неизмѣримомъ поприщѣ всемірной жизни, они все люди и по основнымъ своимъ идеямъ, и по судьбамъ.

Въ началѣ сей бесѣды я имѣлъ уже честь указать, вамъ, Мм. Гг., на тѣ общіе законы, подъ коими совершается нравственное хожденіе человѣка — на законы *истиннаго*, *благаго* и *изящнаго*. Они содержатся въ Природѣ духа человѣческаго, и по мѣрѣ того, какъ оный, пробуждаясь, разрываетъ грубую кору физическихъ нуждъ, законы сіи порождаютъ вокругъ его болѣе и болѣе нравственныхъ отношеній, которыя служатъ какъ бы основою всего человѣческаго порядка вещей. Тогда жизнь поколѣній расцвѣтаетъ въ неисчислимыхъ явленіяхъ, тихихъ

и бурныхъ, мрачныхъ и свѣтлыхъ. Иногда мысль, или чувство, зародившись въ недоступныхъ глубинахъ души могучей, исторгается изъ ней, какъ буря изъ пещеры Эоловой, и стремительно, грозно протекаетъ среди людей роковое свое поприще, подобно зловѣщей кометѣ, сотрясающей съ космовъ своихъ предвѣстія переворота и упадка царствъ. Поколѣнія, смиряясь предъ геніальнымъ ея теченіемъ, клянутъ силу, давшую ей славное бытіе къ злополучію людей. Но раждается другая мысль отъ помысловъ чистѣйшихъ — и міръ, приосѣненный вѣчною истиною, въ ней сіяющею, какъ крыломъ невидимаго генія хранителя, утверждается снова на потрясенныхъ своихъ основаніяхъ, успокоивается. Сей неудержимый приливъ и отливъ страстей, сіи безпрестанно повторяемыя торжества и паденія силъ нравственныхъ, сіи доблести и пороки, восторги и бѣдствія, — все сіе исполинское круговращеніе событій, пораждаемыхъ *сердцемъ*, удерживается съ другой стороны въ предѣлахъ и устрояется могущественнымъ инстинктомъ *духа человѣческаго* — инстинктомъ истиннаго, благаго и изящнаго. Вліяніе сихъ первообразныхъ идей нашей Природы на ходъ дѣлъ человѣческихъ неотразимо, хотя часто мы не сознаемъ того. И не всякой народъ выполняетъ требованія всѣхъ ихъ въ равной мѣрѣ. Смотря по характеру его и мѣстнымъ обстоятельствамъ, онъ можетъ уклониться преимущественно къ той или другой

сторонѣ. Но какъ ни одинъ изъ семи цвѣтовъ раздробляющихся въ призмѣ, не составляетъ свѣта, а напротивъ всѣ они сливаются для сего въ общее цѣлое, такъ исключительное преобладаніе и развитіе какой нибудь идеи въ человѣкѣ не составляетъ прямо человѣческаго бытія. Народъ долженъ существовать совокупною дѣятельностію всѣхъ своихъ способностей — и изъ этого-то гармоническаго соединенія оныхъ возникаетъ *образованность* — сей свѣтъ нравственный, который иногда затмѣвается иногда блеститъ ярче, но угаснуть не можетъ на землѣ, доколѣ обитаетъ на ней человѣкъ.

Въ таковъ-то общемъ и естественномъ развитіи духа народнаго, или образованности, является намъ и Литература, какъ особенная вѣтвь ея.

Какіе жъ именно предѣлы мы назначимъ сей послѣдней? Здѣсь, Мм. Гг., не мѣсто излагать и оцѣнивать различныя опредѣленія оной. Признавъ духъ человѣческій единственнымъ путеводителемъ въ настоящихъ изслѣдованіяхъ нашихъ, мы въ немъ уже будемъ искать и причинъ, по коимъ Литература не должна быть смѣшиваема съ другими произведеніями нашей умственной дѣятельности.

Если слово: *Литература*, примемъ мы въ буквальномъ значеніи, то намъ надобно будетъ отнести къ ней всѣ словесныя произведенія, слѣдовательно въ кругъ ея войдетъ все, что написали Математикъ, Естествоиспытатель-

Философъ и проч. Правда, вся умственная жизнь наша изливается въ словѣ; но жизнь сія имѣетъ различныя направленія, изъ коихъ каждое можетъ быть разсматриваемо отдѣльно, въ отношеніи къ ближайшей его цѣли. Наименованія сихъ различныхъ явленій духовной дѣятельности могутъ быть болѣе или менѣе точны, могутъ быть оспориваемы и защищаемы. Но главное дѣло здѣсь, кажется, состоитъ въ томъ, чтобы удостовѣриться въ самостоятельности явленія, послѣ чего оно и можетъ уже быть предметомъ особеннаго изслѣдованія.

И такъ вотъ, что представляется здѣсь наблюдателю: Человѣкъ разсматриваетъ міръ и самого себя съ опредѣленнымъ, рѣшительнымъ намѣреніемъ объяснить себѣ законы того и другаго. Строго, нелицепріятно исполняетъ онъ сію обязанность, имѣя въ виду одну истину; жертвуя ей всѣмъ, даже чистѣйшими наслажденіями, какія созерцаніе оной можетъ доставить существу благорожденному, свободно разумному. Но разнообразныя явленія жизни физической и нравственной имѣютъ еще другое значеніе для него. Онъ не можетъ не принимать въ нихъ участія, какъ живой, дѣятельный членъ установленнаго порядка. Игра сихъ явленій, ихъ гармонія и подразумѣваемая въ нихъ важность идей, и близкое отношеніе всего того къ его судьбѣ — все трогаетъ его, все возбуждаетъ въ немъ движенія, составляющія мученіе и отраду его существованія. Вотъ два

воззрѣнія на міръ, которыя сообщаютъ и мыслямъ его и слову, оныя выражающему, особенный характеръ. Какъ изслѣдователь таинъ Природы, какъ служитель истины, онъ мыслитъ глубоко и строго — онъ образуетъ въ словѣ Науку; какъ служитель истины и участникъ въ ея высокихъ дарахъ, онъ изливаетъ вмѣстѣ и свои чувствованія, въ ознаменованіе того живаго участія, какое принимаетъ онъ лично въ дѣлахъ, вокругъ него совершающихся. Тамъ онъ существо, такъ сказать, отрѣшенное отъ міра, если угодно, возвышенное надъ міромъ по праву ума, всѣмъ движущаго и всеустрояющаго; здѣсь онъ существо связанное съ міромъ всѣми необходимыми, всѣми нѣжнѣйшими, священными узами сердца, и отъ того блаженное и злополучное, торжествующее и падающее, — однимъ словомъ человѣкъ довершенный.

Какъ же станетъ онъ излагать мысли свои въ столь различныхъ состояніяхъ души? Очевидно, что языкъ мыслей, согрѣтыхъ, проникнутыхъ чувствомъ, не будетъ похожъ на языкъ строгихъ истинъ: ибо тамъ преобладаютъ болѣе или менѣе элементы субъективные, тогда какъ Наука съ презрѣніемъ отвергаетъ всякое *я*, устремляясь единственно къ общему, неизмѣнному, безусловному. Въ семъ особенномъ способѣ изложенія отразятся всѣ тѣ многообразныя движенія, какими ознаменовываетъ себя жизнь духа, развиваясь въ пространствѣ и вре-

жени, вступая въ различныя положенія, предназначаемыя ему судьбою. Здѣсь будутъ слышны восклицанія радости и пронзающіе стоны скорби, здѣсь всѣ струны души издадутъ свои звуки, которые сольются, смѣшаются, дабы всѣми возможными путями проникнуть въ сердца другихъ и преклонить ихъ къ соучастію; здѣсь увидятъ покушеніе одушевитъ самый прахъ, олицетворить неимѣющее образа и пр. Геній извѣстнаго языка предложитъ возбужденному человѣку свои богатства, свои радужныя краски — и мысль процвѣтетъ сладкорѣчіемъ на пламенныхъ устахъ его. Здѣсь формы языка, соотвѣтственно душевнымъ движеніямъ, будутъ устрояться по идеѣ изящнаго, которая впрочемъ овладѣваетъ все таки первоначально душею, а не мертвымъ словомъ: ибо сіе послѣднее рабъ первой. Въ Искусствѣ Краснорѣчія человѣкъ однако жъ вѣренъ своимъ потребностямъ житейскимъ; чувство его порывается къ образамъ живымъ — къ идеаламъ, но только для того, чтобы почерпнутымъ въ нихъ свѣтомъ озарить и согрѣть темную и хладную существенность. Краснорѣчіе все принадлежитъ землѣ.

Нужно ли говорить о томъ, какіе именно предметы въ области мышленія могутъ быть излагаемы краснорѣчиво и какіе нѣтъ? Хотя не трудно было бы указать на нѣкоторые изъ такихъ предметовъ, но это не обозначило бы вещественныхъ границъ Краснорѣчія, которыхъ

оно и не имѣетъ: ибо область его опредѣляется не свойствомъ особенныхъ какихъ либо предметовъ, а точками зрѣнія, съ коихъ оные разсматриваются. Математика, изложенная въ систематическомъ видѣ Науки, чужда Краснорѣчія; но можно, напримѣръ, о пользѣ ея написать сочиненіе столь же краснорѣчивое, сколько и философское. Причину сего не трудно объяснить. Тамъ духъ Писателя занимается своимъ предметомъ совершенно отвлеченно, устраняя всякое содѣйствіе чувства, которому недозволено вмѣшиваться въ дѣла, лично не касающіяся до человѣка; напротивъ оный возбуждается симъ чувствомъ, нисходя въ ту сферу, гдѣ тотъ же самый предметъ является въ близкомъ соотношеніи съ дѣятельностію и судьбою людей.

Но человѣкъ, пребывая одною стороною своей Природы въ мірѣ дѣйствительномъ, другою принадлежитъ идеальному. Сколько бы онъ ни увлекался быстротекущими, измѣнчивыми явленіями перваго, его не престаетъ снѣдать потребность чего-то высочайшаго, совершеннѣйшаго. Онъ предчувствуетъ, что подъ одеждою сихъ тлѣнныхъ явленій скрывается нѣчто нетлѣнное, вѣчное—и дѣйствительно силою духа самобытнаго онъ возвышается наконецъ къ созерцанію идей. Но идеи сіи, многозначительныя для разума, не согрѣваютъ сердца его; то жизнь непомраченная, жизнь въ самомъ источникѣ своемъ,

но жизнь общая, безпредѣльная, столь же мало принадлежащая ему собственно, какъ и всякому конечно творенію. Тутъ является на помощь человѣку творческая фантазія; прикосновеніемъ волшебнаго жезла своего, она превращаетъ идеи въ живые, недѣлимые образы вѣчноюные, готовые выйти въ міръ, облечься въ плоть и кровь. Душа его снова полна чувствованій и притомъ чистѣйшихъ, святыхъ. Она ликуетъ въ семъ царствѣ преображенныхъ созданій, которыя столь же разнообразны и благоустроенны, сколько и чада сего дольнаго міра, и сверхъ того изъяты отъ преобладанія механизма житейскаго. Вотъ область Поэзіи!

Поэзія раздѣляетъ оную съ другими Изящными Искусствами. Но ея участокъ несравненно обширнѣе и богаче послѣднихъ — и симъ обязана она слову. Другія Искусства болѣе или менѣе односторонни; такъ Музыка овладѣваетъ системою чувствованій, не въ состояніи будучи рисовать образовъ; Живопись и Скульптура соединяютъ въ себя сіи оба проявленія изящнаго, но имѣя дѣло въ формахъ своихъ съ матеріею грубою, непослушною, онѣ слишкомъ ограничены временемъ и пространствомъ. Между тѣмъ Поэзія посредствомъ слова — сего легкаго, эѳирнаго, всепроницающаго орудія, достигаетъ самыхъ глубокихъ изгибовъ сердца, черпаетъ сокровища свои тамъ, куда вовсе закрыты пути другимъ Искусствамъ, облекаетъ въ

видимые покровы тончайшія стихіи духовной жизни, соединяя притомъ самые отдаленные и противоположные моменты ея развитія. Другое важное преимущество Поэзіи, какъ искусства, заимствуемое ею также отъ слова, состоитъ въ близости ея къ человѣку. Самыя высокія ея созданія могутъ быть, такъ сказать, воплощены въ него, составлять часть его внутренняго міра — и стоитъ только сердцу подвигнуть уста, чтобы оныя переселились въ душу другаго. Отъ того происходитъ сія всеобщность ея вліянія, сія быстрота, съ коею она воспламеняетъ цѣлые сонмы людей огнемъ сладостнѣйшаго сочувствія, сія непреоборимая сила, съ коею она вторгается во всѣ составы общества, сопутствуетъ всѣмъ отправленіямъ духовнаго организма.

Такимъ образомъ, Мм. Гг., произведенія Краснорѣчія и Поэзіи составляютъ Литературу въ собственномъ смыслѣ. Изъ предъидущаго видно уже, какое мѣсто занимаетъ она въ кругу народной образованности. Тогда такъ Философія, сокрушая и произволъ и случай, въ необходимыхъ законахъ разума установляетъ для насъ необходимый и всеобщій законъ бытія, — въ то время Литература выводитъ духъ на поприще свободы, гдѣ законъ необходимости только ограждаетъ оный, но не связываетъ. Человѣкъ на всѣхъ путяхъ своей внѣшней дѣятельности встрѣчаетъ условія и отношенія

его ограничивающія, вездѣ видитъ онъ себя, такъ сказать, настигаемымъ судьбами цѣлаго— и всѣ его начинанія здѣсь суть дѣла служебныя, совершаемыя во имя всеобщаго порядка міродержавнаго. Но сей Прометей, прикованный къ скалѣ несокрушимой, потрясая цѣпями, заржавѣвшими отъ собственной его крови, посмѣвается механизму Природы и судьбы въ творческихъ созданіяхъ своего свободнаго духа. Послушайте его нѣжныхъ, или его торжественныхъ вдохновенныхъ пѣсней; всмотритесь въ сіи призраки, которые вьются вокругъ васъ, толпами излетая изъ нѣдръ его неистощимой зиждительной фантазіи: какой міръ стройный, великолѣпный умѣлъ онъ воздвигнуть превыше сего закона необходимости, съ которымъ борется онъ столь отчаянно за земную жизнь свою.— Представлять народъ въ самомъ даже началѣ его образованности безъ стремленія нажить себѣ Литературу, значитъ представлять себѣ общество какихъ то получеловѣковъ, обдѣленныхъ при распредѣленіи людямъ благъ небесныхъ — вовсе лишенныхъ нравственнаго самочувствованія. Она можетъ развиваться медленно, можетъ претерпѣвать, какъ и всякое явленіе земное, различныя измѣненія; но исторгнуть ее изъ круга потребностей народныхъ значило бы то же, что остановить біеніе сердца въ груди нашей. — Нѣтъ! оно столь же неизбѣжное, неотразимое явленіе въ Исторіи человѣчества,

какъ и весь нравственный порядокъ вещей.

Нелѣпое также было бы предположеніе, что народъ можетъ довольствоваться Литературою иноземною. Это похоже было бы на то, если бы мы вздумали доказывать, что можно дышать воздухомъ, принятымъ чуждыми устами. Въ богатомъ и разнообразномъ царствѣ Природы и духа ни что не повторяется дважды: всякое недѣлимое, получая свой участокъ жизни изъ общей сокровищницы бытія, спѣшитъ воздѣлать оный и предъявить на всеобщемъ зрѣлищѣ міра подъ печатію собственной физіономіи. Уничтожите сію индивидуальную разность явленій, безпрестанно возникающихъ въ лонѣ Природы, — что останется? Одна вѣчно неподвижная, мертвая матерія. Уничтожите въ нравственномъ мірѣ такія же разности отдѣльныхъ обликовъ человѣчества, въ нихъ проявляющагося — останется одна родовая, отвлеченная идея онаго. — Мы называемъ народъ самостоятельнымъ, когда онъ имѣетъ свои законы, свое Правленіе, свои нравы и обычаи, свою Религію и Исторію; онъ существуетъ, доколѣ причины своего существованія носитъ въ самомъ себѣ. Онъ умираетъ, когда все *свое* передаетъ во власть силамъ чуждымъ и долженъ отъ нихъ ожидать возбужденія сихъ основныхъ жизненныхъ стихій, коими движется всякое политическое тѣло. Гдѣ же мы будемъ искать Литературы? Неужели въ народѣ, умиратив-

шемъ свои нравы, обычаи, исторію — въ народѣ умершемъ? И если оная неразлучно сопряжена со внутреннею самобытною жизнію народа, если она есть не иное что, какъ проявленіе сей жизни въ извѣстномъ направленіи — въ направленіи къ изящному, то какою же должна она содѣлаться, какъ не самобытною? Все великое и прекрасное есть достояніе человѣчества, гдѣ бы и когда бы оно ни произошло; но *произойти* оно иначе не могло, какъ подъ условіями историческаго быта людей, — слѣдовательно подъ вліяніемъ ихъ мѣстныхъ, такъ сказать, и временныхъ, мнѣній, чувствованій, характера и преданій. Это почва, на которой произрастаетъ Эдемскій цвѣтъ чистѣйшей идеальной жизни. Можетъ случиться, что геній творчества еще не пробудился въ извѣстной Литературѣ, между тѣмъ какъ потребность оной существуетъ, и что она принуждена или формы, или и самыя разсѣянныя идеи принимать извнѣ. При всемъ томъ сіи послѣднія доходятъ до сердца народа, сливаются съ его существомъ и преобразуются въ животворныя стихійныя начала для него не иначе, какъ измѣнясь до извѣстной степени въ лабораторіи его самобытнаго духа. Сіе заимствованіе вовсе не должно казаться намъ рабскимъ подражаніемъ, особенно когда мы вспомнимъ, что оно служитъ въ послѣдствіи всегда возбужденіемъ, къ самостоятельной литературной дѣятельности

среди народа, коему Провидѣніе судило еще существовать. Такъ духъ человѣческій усвоиваетъ себѣ все, что нисходитъ на него свыше отъ Отца свѣтовъ. Такъ возбуждается онъ къ самымъ рѣшительнымъ, къ самымъ творческимъ начинаніямъ шумомъ упадшихъ Царствъ и тихимъ шопотомъ устъ, улыбающихся ему нѣжно любовію. Но сила творческая не теряетъ отъ того самобытности. Океанъ исполненъ могущества, хотя надобно пролетѣть бурѣ по зыбямъ его, чтобы онъ вознесъ къ облакамъ свое грозное, омраченное гнѣвомъ чело.

И такъ, если Литература скорѣе или медленнѣе проистекаетъ изъ развитія народнаго духа подъ благотворнымъ вліяніемъ возбуждающей его идеи изящнаго, то она необходимо должна быть оригинальною. Изъ сего слѣдуетъ, что изученіе Литературы каждаго народа составляетъ особое изученіе, соединяющее въ себѣ познаніе его языка и памятниковъ Краснорѣчія и Поэзіи съ познаніемъ народнаго духа и Исторіи. У насъ спросятъ: это Исторія Литературы? Да, Мм. Гг., то, чему суждено имѣть свою Исторію, должно быть изучаемо изъ Исторіи. А гдѣ же догматика Литературы? Мы сейчасъ ея коснемся; права ея останутся для насъ священными. Мы только хотѣли начать съ жизни, и перейти къ теоріи объ оной, а не на оборотъ. Если бы симъ способомъ въ настоящемъ нашемъ изслѣдованіи мы ничего не вы-

играли, кромѣ убѣжденія въ непреложности и важности нѣкоторыхъ общихъ теоретическихъ началъ и въ ничтожности другихъ, то и это уже было бы важное пріобрѣтеніе. Ибо мы въ одно время удостовѣрились бы, что Литература и свободна, и подчинена строгимъ законамъ — а это такія понятія, которыя не всякой умѣетъ согласить, по крайней мѣрѣ не для всякаго они ясны, не взирая на ихъ очевидную истину.

Изъ предъидущихъ разсужденій мы могли видѣть, что существованіе Литературы зависитъ не отъ индивидуальной потребности какого либо народа, но отъ общихъ потребностей человѣческаго духа, хотя дальнѣйшее ея развитіе совершается подъ условіями жизни народной. Всякое оригинальное литературное произведеніе, написанное въ духѣ сей послѣдней, есть уже и истинно человѣческое; каждый вѣкъ, каждое поколѣніе найдетъ для себя въ сихъ святыхъ письменахъ слово привѣтливое, себя въ предтечахъ своихъ на земномъ пути, свою душу, какою явилась бы она тамъ, гдѣ процвѣла ихъ душа. Пѣсни Омера суть пѣсни Грека, давно сошедшаго съ поприща земнаго; но дряхлое человѣчество нашихъ временъ со слезами умиленія слушаетъ въ нихъ сладкіе звуки *своей* отцвѣтшей юности. — Изъ сего слѣдуетъ, что есть нѣкоторыя общія идеи въ человѣчествѣ, коимъ подчиняется Искусство: ибо то, что должно быть для него драгоцѣнно по духу,

должно и способомъ своего развитія соотвѣтствовать сему назначенію. Здѣсь требованіе страны и вѣка уступаетъ требованіямъ человѣчества, имѣющаго свой вкусъ, высочайшій, чистѣйшій — единственный, съ которымъ геній обязанъ сообразоваться, говоритъ ли онъ ему голосомъ собственной его эстетической совѣсти или Науки.

Наукѣ Словесности предшествуетъ *теорія Изящнаго.* Здѣсь главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы смотрѣть на послѣднее съ настоящей точки зрѣнія. Однако жъ я не разумѣю подъ симъ ученое опредѣленіе онаго. Всѣ эти опредѣленія безконечной идеи похожи на заключеніе крестьянина, который воображалъ, что тамъ и конецъ земли, гдѣ предѣлъ видимаго горизонта. Человѣкъ имѣетъ способность черпать изъ неизсякаемой жизни Природы столько, сколько нужно то для его потребностей, подобно водоносу, который захватываетъ воды изъ рѣки не болѣе, какъ сколько позволяетъ величина сего сосуда, — и не нелѣпо ли было бы думать, что онъ въ своемъ ведрѣ несетъ цѣлую рѣку? Вообще, Мм. Гг., тонъ догматическій кажется мнѣ неприличнымъ человѣку, когда онъ разсуждаетъ и *a priori*, а еще менѣе оный приличенъ въ кругу Изящнаго, гдѣ духъ, какъ Протей, облекается во всѣ виды, во всѣ формы жизни. Нѣтъ! не для того создано огромное человѣчество съ его чудесными судьбами, со всѣми

стихіями его безконечной Исторіи, чтобы какой нибудь педантъ, членъ школьной ремесленной управы поворачивалъ ихъ на остреѣ своей индивидуальной мысли. *Люди, мудрствующіе лукаво*, гоняющіеся за истиною съ тѣмъ, чтобы заковать ее въ цѣпи школы и показывать за деньги толпѣ, какъ любопытную рѣдкость, не понимаютъ или не хотятъ понять, что опредѣлить идею Изящнаго, значитъ опредѣлить идею жизни; что разумъ нашъ можетъ указать на частныя проявленія оной подъ опредѣленными формами; можетъ судить и осуждать ихъ, сообразуясь съ требованіями человѣческой Природы; но для того, чтобы раскрыть идею Изящнаго въ самомъ существѣ ея, надобно бы было сосредоточить въ себѣ все развитіе жизни духовной, всѣ направленія оной со стороны *дѣйствительнаго* и *возможнаго*. Современные намъ, быстрые перевороты въ области Философіи вразумляютъ насъ, что Наука созидается, но не создана еще, и мы не должны съ безразсудною поспѣшностію почитать рѣшеными для человѣчества тѣ вопросы, кои рѣшили по возможности для собственнаго своего успокоенія. Истина только является въ эпоху всеобщаго возбужденія умовъ для удовлетворенія потребностей, громко вопіющихъ устами вѣка, а не недѣлимаго; ее пораждаютъ судьбы человѣчества, а умъ только воспринимаетъ и воспитываетъ оную. И такъ, разсуждая объ Изящномъ,

мы, вмѣсто того, чтобы почитать себя вполнѣ удовлетворенными буквою дефиницій, постараемся преимущественно возвыситься къ нему чувствованіями нашими. Съ душею, свободною столько же отъ мелкихъ страстей житейскихъ, сколько и отъ предубѣжденій школьныхъ, безъ гордыни Фарисейскія, вопросимъ Природу человѣческую: гдѣ, въ какихъ чертахъ творческаго Искусства видитъ она напечатлѣннымъ свой неземной, божественный образъ въ смѣлыхъ ли начинаніяхъ воли, въ отважномъ ли стремленіи ума, или въ сладостныхъ движеніяхъ сердца? Изъ отвѣта ея, можетъ быть, узнаемъ мы, что Изящное для всѣхъ вѣковъ и народовъ выражаетъ собою полноту жизни — что оно сосредоточиваетъ въ себѣ все вожделѣнное для духа, все истинное и благое; но что сія высочайшая *идея совершенства* можетъ отражаться въ неисчислимо разнообразныхъ идеалахъ и формахъ. Мы увидимъ, что чѣмъ болѣе идея сія превозмогаетъ въ душѣ Артиста надъ условными отношеніями механизма житейскаго, и чѣмъ, съ другой стороны, разительнѣе, осязаемѣе, такъ сказать, оная представляется нашему созерцанію въ различныхъ направленіяхъ земнаго быта, тѣмъ произведеніе Искусства будетъ выше въ художественномъ отношеніи. Ставъ на сію точку зрѣнія, мы увидимъ, что Художникъ подчиненъ тремъ условіямъ: 1. Онъ долженъ быть одаренъ самобытною силою

нравственнаго (геніемъ), которая бы не только въ состояніи была возвыситься къ вѣчнымъ, первоначальнымъ идеямъ жизни, но и овладѣть ими, олицетворить ихъ въ живыхъ образахъ, идеалахъ. 2, Онъ также долженъ глубоко вникнуть въ міръ дѣйствительный — въ Природу и сердце человѣческое: ибо созданіямъ его надлежитъ явиться на землѣ, слѣд. войти въ родственное соотношеніе со всѣмъ, что на ней существуетъ, носить въ физіономіи своей слѣды страстей земныхъ и бѣдствій — слѣды самаго тлѣнія: ибо небожителей, чуждыхъ намъ по судьбамъ своимъ, мы не въ состояніи будемъ ни понять, ни любить. 3, Онъ долженъ въ высшей степени изучить законы тѣхъ чувственныхъ знаковъ, или законы вещества, въ коемъ предстоитъ воплотиться его идеалу. Это составляетъ механическую часть Искусства, и она-то собственно составляетъ предметъ теоретическаго изученія.

Если сіи понятія объ Изящномъ мы примѣнимъ къ Литературѣ, то предъ нами тотчасъ явится Поэзія (въ тѣсномъ значеніи), какъ словесное выраженіе идеальной жизни. Будучи провозвѣстницей человѣческихъ стремленій и всего, что духъ нашъ кроетъ въ своемъ лонѣ, она въ развитіи и формахъ своихъ сообразуется съ основными началами его бытія. Такимъ образомъ первое мѣсто въ Піитикѣ должна занять *Поэзія Лирическая*, какъ выраженіе жиз-

ни, въ себѣ самой сосредоточенной, обнаруживающейся въ самочувствованіи, а не въ дѣятельности. Лирикъ не переноситъ на землю міра идеальнаго; онъ еще не властелинъ его, а гость, наслаждающійся свободно всѣмъ тѣмъ, что представляется въ немъ его парящей фантазіи. Онъ увлекаетъ насъ съ собою, и заставляетъ раздѣлять съ нимъ его чувствованія. Это роскошь бытія, расцвѣтающая юность духа человѣческаго. Его смѣлые или нѣжные порывы служатъ какъ бы предвѣстниками тѣхъ творческихъ созданій—образовъ, полныхъ индивидуальной самобытной жизни, какіе находимъ мы послѣ въ Эпопеѣ и Драмѣ. Какъ самочувствованіе обнаруживается въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ — въ направленіи къ *безконечному*, гдѣ разнообразіе явленій подчиняется идеѣ *единства*, и въ направленіи къ *множественному* развитію въ конечныхъ явленіяхъ сего самаго единства—или въ направленіи къ красотѣ *высокой* и красотѣ *прелестной*, то въ Лирикѣ существуютъ два главные вида: *Ода* и *Пѣсня*. Все, что, совершаясь въ Природѣ для видовъ цѣлаго, поражаетъ насъ священнымъ трепетомъ, восторгомъ и благоговѣніемъ къ силамъ, вращающимъ судьбами онаго, — все сіе передаетъ намъ *Ода*; напротивъ Пѣсня заставляетъ насъ любоваться игрою идеальной жизни, скользящей, такъ сказать, на поверхности земли, раздробляющейся въ нѣжныхъ лучахъ свѣта, коимъ озарено каждое не-

дѣлимое бытіе въ кругу земныхъ своихъ отношеній (*).

Лирическая Поэзія конечно предшествовала всякой другой. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ народъ младенчествующій, едва только начинающій жить, найдетъ для Эпопеи законы судебъ, осуществляющейся въ дѣлахъ поколѣній, и для Драмы явленія свободы нравственной? На землѣ должны установиться преданія, должны возвыситься герои, процвѣсти доблести и разлиться бѣдствія, — однимъ словомъ, долженъ развернуться свитокъ Исторіи, дабы Поэтъ прочиталъ въ немъ: въ какихъ страстяхъ и дѣлахъ суждено человѣчеству выражать свои безсмертныя идеи.

Въ Эпической Поэзіи и Драматической собственно раскрывается міръ образовъ, живыхъ провозвѣстникомъ изящнаго. Здѣсь не слышно уже голоса Поэта, призывавшаго насъ вкусить отъ избытка его сердца ощущенія, кои принимали мы только по сочувствію съ нимъ, не видя тѣхъ, кому и онъ и мы за нихъ обязаны. Напротивъ, здѣсь силы, созданія недѣлимыя, являются сами, дабы дѣйствіями своими возвѣстить намъ значеніе человѣка и тайныя глубины жизни. Человѣчество Лирическаго періода

(*) Пѣсня конечно предшествуетъ Одѣ, и потому да простятъ мнѣ, что я поставилъ здѣсь послѣднюю въ первомъ мѣстѣ: это кажется, ни мало не вредитъ цѣли сего разсужденія.

представляется намъ съ начатками жизни, съ первыми сладостными впечатлѣніями, какія порождены въ его сердцѣ возникающими явленіями духовнаго міра; онъ не изслѣдовалъ еще путей ихъ; онъ улыбается и плачетъ только отъ полноты своихъ чувствованій. Природа и судьба еще угождаютъ его младенческому неразумію; онѣ заманиваютъ его къ жизни. Выше и грустнѣе значеніе человѣка въ Эпопеѣ и Драмѣ. Изъ святилища внутренняго самочувствованія онъ выходитъ на дѣланіе. Онъ вкусилъ уже отъ золъ существованія; уже, подобно братоубійцѣ Каину, онъ является обагреннымъ кровію существъ, отъ одной руки съ нимъ пріявшихъ жизнь, наслѣдовавшихъ съ нимъ одну и ту же землю — и кровь сія уже принята имъ на главу свою, какъ знаменіе могущества, какъ символъ доблести—и какъ печальный залогъ его собственной гибели. Уже разбудилъ онъ въ груди своей страсти, кои должны упоить блаженствомъ и отравить скорбію все его сердце. Какое обширное, чудесное зрѣлище открывается намъ въ Эпопеѣ! Представимъ себѣ сначала пространство, на коемъ оно должно явиться. Міры въ величественной стройности текутъ по предписаннымъ имъ путямъ, и солнце привѣтливыми лучами объемлетъ одну изъ своихъ близкихъ рабынь — землю. Изъ нѣдръ слѣпой, мертвой матеріи воздымаются огромныя горы; на однѣхъ долинахъ разстилаются шумящія волны Океана, на другихъ возникаютъ разнообразные

злаки; тамъ слышны стоны суровой стихіи — отзывъ печальнаго могущества—безъ воли, пребыванія безъ жизни; здѣсь раздается безсмысленный вопль звѣря, терзающаго свою окровавленную добычу, или пѣніе птицы, теряющееся въ лазурномъ пространствѣ воздуха, не находя ни уха, ни сердца, которое бы приняло сіи драгоцѣнныя перлы звуковъ. Все въ какомъ-то чудномъ движеніи; всѣ нервы Природы напряжены; все исполнено силъ, существъ и между тѣмъ повсюду такая грозная и мертвая тишина: нѣтъ жизни! Вѣка наступаютъ, проходятъ, одни смѣняются другими; перемѣны дивныя спѣшатъ въ слѣдъ совершившимся; но то перемѣны безъ страстей, безъ подвиговъ, безъ потомства и славы; нигдѣ не слышно имени Бога — нѣтъ Исторіи! Вселенная безъ Исторіи — ужасное зрѣлище! Но вотъ является человѣкъ; онъ водружаетъ знамя владычества своего на землѣ. Отъ его мысли и хотѣнія должны родиться другія силы, другія событія; онъ долженъ внести міръ свободы и разума въ міръ слѣпой необходимости—и вселенная становится только орудіемъ разумныхъ цѣлей, обителью Божественнаго домостроительства, великолѣпнымъ престоломъ, на коемъ развертывается свитокъ Исторіи. Возстали царства, закипѣли битвы, возникла образованность. Сколько видѣло солнце поколѣній раждающихся и преходящихъ! сколько освѣтило оно явленій, въ коихъ жизнь разумная расцвѣтала, увядала и опять возраждалась въ новыхъ

видахъ! Каждый изъ минувшихъ вѣковъ, какъ безмолвный стражъ, сидитъ на гробѣ ихъ; онъ получилъ отъ нихъ бытіе, и теперь среди пепла и развалинъ указываетъ вѣкамъ грядущимъ на свершившуюся идею. Она созрѣла, и поколѣнія упали и сгнили, какъ кора плода древеснаго. Кто изъ существъ конечныхъ осмѣлится назначить предѣлъ сему разлитію свободно разумной жизни или дать ей направленіе по своимъ тлѣннымъ замысламъ? Но неужели безконечное теченіе нравственныхъ событій не имѣетъ цѣли, совершенно удовлетворяющей разуму, какъ единому могучему двигателю сихъ разнородныхъ пружинъ бытія — слѣдовательно цѣли высочайшей? Такъ! она есть: ибо есть Провидѣніе. Его, его судьбы совершаются въ дѣлахъ нашихъ. Я, кажется, ощущаю надъ собою тихое вѣяніе руки, простертой надъ вселенной въ ея напутствованіе и охраненіе. Сіи-то судьбы сокрушаютъ замыслы героя, который въ избыткѣ силъ своихъ готовъ объять міръ могучею своею волею и поработить его своимъ замысламъ. Сіи судьбы обрекаютъ на гибель прекраснѣйшія надежды мудраго; отъ ихъ внезапнаго прикосновенія шатаются царства въ древнихъ своихъ основахъ, и мгновеніе дѣлается властелиномъ вѣковъ. Сіи плачевные перевороты кажутся намъ несогласными съ порядкомъ жизни, напротивъ, они-то и согласны съ нимъ: ибо жизнь цѣлаго требуетъ отъ недѣлимыхъ и рѣшимости и дѣлъ великихъ, но не

законовъ ихъ. Здѣсь-то дѣятельность человѣка принимаетъ видъ боренія съ судьбою. Онъ не можетъ не имѣть своихъ цѣлей, какъ существо свободно-разумное, и сіи цѣли тѣмъ обширнѣе, чѣмъ оно свободно-разумнѣе; судьба не можетъ не покушаться на уничтоженіе ихъ, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ человѣкъ болѣе стяжалъ успѣховъ: ибо она должна блюсти права и неприкосновенность цѣлаго порядка вещей. По такому-то направленію шествуетъ герой Эпопеи.

Но дѣятельность человѣческая можетъ имѣть еще другое направленіе, не восходя до той высоты, на коей свобода одного соприкасается съ цѣлымъ порядкомъ вещей: ибо свобода сія находится также въ соприкосновеніи съ свободою другихъ. Отъ сего послѣдняго раждается безчисленное множество отношеній, кои каждый спѣшитъ направить по своимъ видамъ, наклонностямъ, страстямъ. Здѣсь не идея безконечнаго увлекаетъ человѣка къ дѣятельности; но сердце его, безпрестанно возбуждаемое летучими, такъ сказать, впечатлѣніями настоящаго, служитъ источникомъ событій, кои потому и важны только для тѣснаго круга времени и лицъ. Обнаружить жизнь, текущую въ границахъ общественнаго порядка и разлетающуюся каплями среди многосложныхъ, запутанныхъ его пружинъ, подобно водѣ въ мельничномъ колесѣ,—жизнь, которая напрягается и истощается по видамъ страстей, такъ сказать, совершенно личныхъ, пораждаемыхъ временемъ, мѣ-

стомъ и обстоятельствами, — однимъ словомъ, показать человѣка такимъ, какимъ представляется онъ нашему разуму въ идеѣ существа общежительнаго — вотъ предметъ другой самостоятельной отрасли Эпической Поэзіи — *Романа*. Изъ сего видно, что, по значенію своему, онъ противоположенъ Эпопеѣ. — Здѣсь жизнь человѣчества проявляется въ отношеніи ея къ таинственнымъ, вѣчнымъ судьбамъ онаго; тамъ, напротивъ, въ отношеніи къ измѣняющимся условіямъ общества. Свобода героя Эпопеи является въ бореніи съ судьбою, а героя Романа въ бореніи со свободою подобныхъ ему. Въ Эпопеѣ герой, какъ представитель общества, увлекаетъ его съ собою, дѣлая его участникомъ и своихъ злополучій и своихъ успѣховъ; въ Романѣ, напротивъ, общество увлекаетъ героя, заставляя его страдать и преуспѣвать не иначе, какъ подъ вліяніемъ духа, нравовъ, предразсудковъ своихъ и проч. Вотъ почему Романъ въ настоящемъ своемъ значеніи могъ явиться не прежде, какъ въ эпоху наибольшаго развитія гражданственности, когда человѣкъ въ безчисленномъ множествѣ накопившихся отношеній нашелъ новый предметъ своихъ заботъ, страстей и усилій.

Дѣятельность, выше нами изображенная, имѣетъ глубочайшій источникъ — человѣческое сердце. Всѣ наши начинанія, доблестныя и недоблестныя, вырабатываются въ лабораторіи страстей. Онѣ суть первоначальныя пружины,

возбуждающія насъ къ дѣятельности; онѣ источникъ того нравственнаго могущества, безъ коего не совершалось на земли ничего великаго и ничего страшнаго. Если человѣкъ, къ ужасу и изумленію нашему, является, подобно гладіатору на аренѣ Эпопеи, въ кровавомъ бореніи съ судьбою; то важная Драма или Трагедія, обнажая предъ нами глубочайшіе изгибы его сердца, представляетъ намъ положеніе его еще занимательнѣйшимъ, еще болѣе ужаснымъ. Въ самыхъ нѣдрахъ его свободы совершается законъ высшей власти, законъ вѣчной, непреложной воли. Въ дерзновенныхъ замыслахъ ума, въ бурныхъ порывахъ сердца, онъ приходитъ къ цѣли не той, какая манила его издали, обѣщая ему вѣнецъ и успокоеніе. Но какая ему до того нужда? Всѣ струны его сердца звучатъ; всѣ стихіи его Природы въ движеніи; что́бы ни было съ нимъ, онъ живетъ всею своею душею, всею свободою страстей. Пусть судьба сокрушаетъ его замыслы: но они были, и имъ взята уже богатая дань съ того самаго, что они были. Предъ вами воздвигаются образы величественные и грозные; на ихъ блѣдныхъ, мрачныхъ, окровавленныхъ лицахъ вы читаете все, что человѣкъ можетъ предпринять, все, что онъ можетъ претерпѣть, совершить и разрушить. Сжатый съ опредѣленнымъ духомъ своимъ въ тѣсныя границы времени и пространства, онъ страждетъ отъ тѣсноты своей обители, отъ избытка силъ своихъ, которыя, не въ правѣ бу-

лучи, по закону судьбы, расширить по ихъ стремленію, онъ обращаетъ на собственную свою главу, и падаетъ подъ тяжестію ихъ, подобно Самсону, низпровергшему столпы храмины. Что ему въ достиженіи такой-то и такой цѣли? Если онъ не погибнетъ на прагѣ ея, онъ устремится далѣе, къ цѣли новой; капля не освѣжитъ его горящихъ устъ, дайте ему полную чашу бытія: ея одной онъ жаждетъ. Какъ бы ни обнаруживалась жажда сія по свойству недѣлимыхъ — роковымъ ли истощеніемъ Шиллерова Валленштейна предъ могуществомъ собственной его мысли, воспитанной имъ безъ сознанія въ фантастическихъ грѣзахъ кроваваго честолюбія, нѣжными ли, гармоническими стенаніями Шекспировой Юліи — все равно: сердце проситъ жизни, жизни, жизни. Вы съ ужасомъ взираете на сію мятежную игру, гдѣ человѣкъ ставитъ жребій всего своего существованія противу одного мгновенія, коего все очарованіе состоитъ въ томъ, что онъ его хочетъ; вы содрогаетесь, слушая сіи глухіе стоны, исторгаемые противоборствомъ его пожеланій, гдѣ разсудокъ и воля являются во всемъ величіи своего сана, чтобы преклонить свои царственныя хоругви — предъ мечтою сердца. И вотъ его свобода! Столько пружинъ въ движеніи, столько могущества въ двиганіи ихъ, столько шуму — для чего? Чтобы человѣкъ палъ отъ собственной своей великости, отъ богатства своей Природы, до котораго осмѣлился онъ до-

тронуться въ безразсудныхъ своихъ надеждахъ. Но не осуждайте его; подождите — еще шагъ и его покроетъ слава, можетъ быть, блистательнѣе той, коею увѣнчавается онъ на поприщѣ эпическомъ: ибо возвыситься надъ страстями достославнѣе, нежели пасть честно, сражаясь съ судьбою. Это должно вдохнуть въ насъ столько же уваженія къ трагическому развитію человѣка, сколько и сострадація. Впрочемъ, характеръ Драмы можетъ до нѣкоторой степени измѣняться по духу народа и вѣка. Но мысль Фридриха Шлегеля о Трагедіи, такъ сказать Като. ической, гдѣ человѣкъ являлся бы торжественно успокоеннымъ, какъ въ воззрѣніи своемъ на жизнь, такъ и въ движеніяхъ души своей, есть пустая мечта. Такая Драма можетъ быть сыграна только какими нибудь духами надъ могилою человѣческаго рода.

Комедія изображаетъ игру человѣческаго сердца съ другой стороны. Она заключается въ границахъ Романа, такъ какъ Трагедія въ границахъ Эпопеи. — Въ области свободы должно осуществиться все, что заключено въ стихіяхъ силъ, среди ней подвизающихся. Однако же человѣкъ вмѣстѣ съ сознаніемъ своей свободы, носитъ въ себѣ и сознаніе своего сана, по коему не всѣ свободныя дѣянія равной цѣны въ глазахъ его. На семъ-то послѣднемъ утверждается нравственное чувство, котораго рѣшительный приговоръ: *это прилично*, — *а это не прилично человѣку* — не подлежитъ уже раз-

смотрѣнію самаго разума. Оно всесильно, потому, что есть, такъ сказать, отзывъ всей нравственной Природы человѣка, и неизъяснимо именно потому, что есть отзывъ всей Природы человѣка. Нѣтъ сладостнѣе возмездія, коимъ увѣнчаваетъ оно заслугу: это уваженіе къ самому себѣ. Нѣтъ ужаснѣе кары, коею преслѣдуетъ оно порокъ: это самонедовольство или презрѣніе себя.

Есть между людьми два рода дѣяній, несовмѣстныхъ съ саномъ человѣческимъ, или, что все равно, съ *закономъ приличія*, по которому всякое существо обязано исполнять все, чѣмъ одолжено оное характеру и мѣсту своему, и который, по нашему мнѣнію, есть высочайшій нравственный законъ: одни дѣянія противорѣчатъ идеѣ добраго, другія идеѣ истиннаго, или разуму. Въ послѣднихъ опять находимъ два вида. Человѣкъ уклоняется отъ истины или по невѣдѣнію общей связи и назначенія вещей, или по невѣдѣнію своего собственнаго назначенія и отношеній своихъ къ другимъ людямъ. Уклоненія перваго рода дѣлаются для насъ очевидными не иначе, какъ изъ развитія ихъ послѣдствій, по коимъ мы поздно узнаемъ уже, что такое-то человѣческое преднамѣреніе *не могло совершиться* по законамъ судьбы. Мы не можемъ здѣсь осуждать человѣка: ибо кто смѣетъ сказать о себѣ, что онъ лучше понялъ бы изъ наблюденія общаго хода вещей, намѣренія судьбы? Мы сожалѣемъ здѣсь о несбывшихся надеж-

дахъ, какъ о свидѣтельствѣ нашей собственной немощи. Но уклоненія втораго рода понятнѣе для насъ: ибо они совершаются въ тѣсномъ кругу, гдѣ и причины и послѣдствія можно обозрѣть однимъ взглядомъ. Отъ сего мы тотчасъ постигаемъ несообразность ошибочнаго предпріятія; оно подлежитъ немедленному суду, и судъ сей мы произносимъ по праву: ибо здѣсь человѣкъ не смѣетъ уже возлагать отвѣтственности на судьбу; онъ взялся за такое дѣло, которое все заключается въ границахъ его отношеній, слѣдовательно и должно быть совершено собственными его силами. Неудача здѣсь есть плодъ неразумія, которое не предвидѣло того, что надлежало предвидѣть. Далѣе человѣкъ можетъ въ сознаніи своей свободы и съ намѣреніемъ уклониться отъ строгихъ законовъ существующаго порядка и предписаній разума, чтобы съ одной стороны вольнѣе поиграть съ жизнію, а съ другой сдѣлать какъ бы укоръ Природѣ за ея излишнюю чинность, и показать, что произволъ человѣческій можетъ и не подчиняться сей послѣдней, ничего отъ того не теряя. Созерцаніе подобныхъ явленій нравственнаго міра производитъ въ душѣ нашей какое-то особенное впечатлѣніе. Явленія сіи конечно уклоняются отъ идеи человѣческаго сана; но они не оскорбляютъ насъ: ибо здѣсь нѣтъ противорѣчія съ идеей добраго, что могло бы сдѣлать человѣка отвратительнымъ; здѣсь также не видно всемощнаго вліянія судь-

бы, что могло бы сдѣлать его достойнымъ сожалѣнія. Онъ падаетъ, но паденіе его не болѣзненно; онъ весь среди людей, и тѣ же самыя отношенія, кои его запутали, служатъ ему и средствомъ возстановить себя. Явленія сіи приводятъ душу нашу въ движеніе, отличающееся свободною, легкою игривостію; они нравятся намъ именно потому, что изъяты, по видимому, отъ всякой строгой чинности, составляющей законъ Природы и судьбы. Мы смѣемся, сознавая себя непричастными замѣченной нами несообразности, и въ то же время, любуясь контрастами жизни, раскрывающей себя въ формахъ новыхъ, быстротекущихъ, свободно слагающихся и исчезающихъ формахъ, которыя составляютъ какъ бы новую Природу, на изнанку вывороченную, гдѣ произволъ человѣческій, къ изумленію разума, сдѣлался закономъ, взялся строить и рядить жизнь по своему, исключивъ условія, коимъ подчинены вещи по идеѣ всеобщаго порядка. Вотъ элементы *комическаго*, которое посему въ произведеніи Искусства составляетъ существенную, важную отрасль Поэзіи. Элементы сіи заключаются въ общественной жизни: ибо Природа не шутитъ, не играетъ съ намѣреніемъ только поиграть. Смѣшное можетъ родиться единственно отъ произвола человѣческаго, который въ противоположности съ Природою развивается въ одномъ обществѣ, гдѣ безчисленное множество отношеній, безпрерывно сталкивающихся

между собою, безпрерывно борющихся, всячески тѣснятъ, извращаютъ человѣка, заставляя его изгибаться, ползать, ходить на головѣ, чтобы не упасть вовсе и какъ нибудь удержать не только свое мѣсто въ сей всеобщей суматохѣ, но и свою личность. По сему общество утонченное, наиболѣе удалившееся отъ Природы въ своихъ учрежденіяхъ, правахъ, обычаяхъ и проч., есть общество наиболѣе комическое; напротивъ, чѣмъ ближе оно къ Природѣ, тѣмъ сильнѣе преобладаютъ въ немъ элементы Эпопеи и важной Драмы. Вотъ, между прочимъ, причина и сего юмористическаго взгляда на вещи, коимъ отличаются многіе великіе Писатели новѣйшихъ временъ. По высотѣ духа своего, они принадлежатъ временамъ героическимъ, а по существованію временамъ большой Комедіи, которую хитросплетенныя общества играютъ въ промежуткахъ краткаго отдохновенія отъ дѣлъ вмѣстѣ нелѣпыхъ, кровавыхъ и плачевныхъ. Посему не мудрено, что въ глубинѣ души сильной, среди порывовъ возвышенныхъ, часто шевелится Эпиграмма при взглядѣ на людей настоящаго времени, которые, правда, и всегда не такъ хороши, какъ въ идеалахъ поэтическихъ, однако жъ теперь кажется болѣе надѣлали глупостей, нежели когда либо.

Въ теоріи Красноречія мы также постараемся слѣдовать за естественнымъ ходомъ Искусства, который надобно наблюдать въ духѣ человѣческомъ. Мы должны будемъ отдѣлить

отъ сей теоріи логическую часть, извѣстную подъ названіемъ *изобрѣтенія и расположенія* мыслей. Никто не сомнѣвается, что сущность всякаго литературнаго произведенія состоитъ въ идеѣ онаго и мысляхъ, въ коихъ идея сія раскрывается. Но здѣсь предстоятъ намъ два обстоятельства: *форма* мышленія и *содержаніе* онаго. Первая составляетъ предметъ Логики, второе не можетъ быть предметомъ ни какой Науки. Съ перваго взгляда кажется, что содержаніе можетъ быть, по крайней мѣрѣ, со стороны расположенія, подчинено эстетическимъ условіямъ; — но гдѣ они? Не суть ли это общіе законы разнообразія, гармоніи и единства? Не то ли еще разумѣютъ подъ изящнымъ расположеніемъ мыслей, чтобы каждая изъ нихъ находилась на томъ мѣстѣ, гдѣ можетъ она произвести сильнѣйшее дѣйствіе на душу слушателя или читателя? Такъ; но это зависитъ съ одной стороны отъ цѣли сочиненія; а съ другой отъ различныхъ эмпирическихъ условій, которыхъ ни какая Наука не можетъ опредѣлить и соображеніе коихъ предоставлено одному генію Писателя. — Показать всѣ возможныя формы слова, коими всякая одушевленная мысль проявляетъ себя — вотъ первая задача Риторики. Далѣе, предметы подлежатъ нашему мышленію или со стороны сущности ихъ — идеи, или со стороны проявленія ихъ въ пространствѣ и времени. Посему и мысли наши мы можемъ излагать или въ формѣ дидак-

тической, или описательной, или повествовательной. Но всѣ сіи способы изложенія могутъ, сверхъ того, имѣть какую нибудь практическую цѣль: сія цѣль опредѣляетъ четвертую форму прозаическаго сочиненія — форму ораторскую. Показать, въ чемъ состоитъ духъ или идея каждой изъ сихъ отраслей Краснорѣчія, какъ въ каждой изъ нихъ развивается идея сія по законамъ разнообразія, гармоніи и единства, и какими приличными формами языка оная выражается — вотъ вторая задача Риторики.

Въ Наукѣ сей разсматриваются отвлеченно формы изящнаго слова — такъ и должно быть. Но мнѣ кажется, слишкомъ мало обращаютъ вниманія въ примѣненіи сихъ формъ на элементы того языка, въ коемъ оныя должны осуществиться. Обыкновенно ограничиваются краткимъ примѣромъ, присоединеннымъ къ такому-то обороту, и думаютъ, что все сказали, когда пояснили его симъ примѣромъ. Не поясненіе нужно, но полное приложеніе. Оборотъ, показанный въ теоріи, есть, какъ мы видѣли, отвлеченная форма: онъ можетъ осуществиться разнообразно — и сіе разнообразіе зависитъ отъ ґенія языка, который даетъ для сего вещество, или краски. Для сего-то, Мм. Гг., надобно, какъ я имѣлъ честь уже упомянуть предъ вами въ семъ разсужденіи, обращать вниманіе на отечественную Исторію и духъ народа; надобно притомъ дѣлать извлече-

ніе не изъ одного Писателя, употреблявшаго удачно такіе-то и такіе обороты, но изъ многихъ, не пренебрегая Писателями старыми, чтобы видѣть, къ какимъ измѣненіямъ способенъ Русскій языкъ, смотря по состоянію духа людей, точкамъ зрѣнія и проч. Тутъ одно слово иногда дастъ вамъ почувствовать гибкость, силу языка, и скажетъ вашему Русскому сердцу болѣе, чѣмъ самое блестящее извитіе языка иноземнаго, употребленное для выраженія подобной же мысли. Тогда постепенно будетъ предъ нами открываться неистощимое богатство языка отечественнаго; тогда въ состояніи будемъ мы достигнуть истинно народнаго Краснорѣчія, единственнаго, которое можетъ имѣть благодѣтельное вліяніе на образованность народа.

Вотъ, Мм. Гг., общія черты Науки, предстоящей нашему разсмотрѣнію. Не Искусства образуются по теоріи, но теорія по Искусствамъ. Посему сія послѣдняя есть болѣе изъясненіе того, *что дѣлается*, сколько указаніе на то, *какъ дѣлать*. Творчество не знаетъ другаго вождя, кромѣ свободнаго вдохновенія, другихъ стихій для своихъ созданій, кромѣ сердца человѣческаго и жизни. Геній нейдетъ какъ слѣпецъ ощупью, опираясь на ферулу школы: онъ шествуетъ смѣло и величаво, налагая печать молчанія на уста педантовъ, и вразумляя избранныхъ въ истинныхъ потребностяхъ вѣка и страны. Крайности сходятся въ Природѣ

такъ глупцамъ и геніямъ законъ не писанъ: одни ниже закона, другіе выше его. Спрашивается, какую же пользу приноситъ теорія Словесности? Важную, Мм. Гг., но не Искусству, котораго судьба зависитъ отъ другихъ условій, а обществу въ качествѣ назидающей Критики. Она образуетъ вкусъ его, предохраняетъ оный отъ пагубнаго вліянія ложной красоты, развращающей самые нравы. Ложною красотою я называю преимущественно ту, которая блеститъ однѣми внѣшними формами и лишена значенія внутренней жизни. — Теорія, какъ Наука, драгоцѣнна для мыслящаго человѣчества и потому, что изъясняетъ ему пути человѣчества творящаго. Это-то и есть высшая Философія — Философія по преимуществу.

И такъ, Мм. Гг., для насъ, людей нетворящихъ, очень нужно знать сію Философію: ибо міръ литературный, какъ и міръ житейскій, исполненъ всякія красоты и всякія скверны. Въ немъ есть свои демагоги, непризванные къ святому служенію Музамъ, но наводящіе обаяніе на души неукрѣпившіяся самымъ цинизмомъ своихъ произведеній, называя оныя созданіями свободной, т. е., необузданной фантазіи. Есть лжеименныя дарованія, сей кимволъ звяцаяй, прельщающія дѣвъ и юношей пѣснями стройными, но неразумными; есть, наконецъ, отребіе литературное — люди, вторгшіеся въ храмъ чистой красоты для того, чтобы продавать и покупать, нестыдящіеся заводить по-

зорную прю за выгоды чрева своего тамъ, гдѣ сердце человѣческое проситъ покоя и забвенія помысловъ и злополучій земныхъ. Намъ надобно блюсти себя отъ всего того.

Нѣтъ сомнѣнія, что распространеніе чистыхъ, здравыхъ понятій о сущности изящнаго и значеніи Литературы можетъ имѣть благодѣтельное вліяніе на вкусъ читающаго и мыслящаго поколѣнія, а чрезъ то и на самыхъ Литераторовъ. Геній останется геніемъ; но сколько мелкой пишущей братіи, подстрекаемой нынѣ къ письменному суесловію хвалами неосновательными, принуждено будетъ возвратиться на поприще полезной практической дѣятельности, на коемъ дѣла ея будутъ угоднѣе Богу, Государю и Отечеству! Сколько людей самонедовольныхъ, угнетаемыхъ желаніемъ славы и скудостію средствъ, опочіетъ въ мирѣ само съ собою, когда предварительно увидитъ, сколь многаго публика образованная требуетъ отъ Писателей для того, чтобы слава ихъ не служила ей позоромъ! Осмѣлятся ли тогда поборники новой школы клеветать на сердце человѣческое, подкидывая ему свои мрачныя страсти, или свои скептическія предубѣжденія, мучительною пыткою доводить его до лжесвидѣтельствованія на самого себя, и наконецъ изрекать надъ нимъ судъ жестокій и лицепріятный? Какъ будто оно въ состояніи измѣнить самому себѣ постоянствомъ, какого бы то ни было рода, и особенно постоянствомъ ожесточенія, какъ будто

нынѣ оно перестало биться въ груди матери, супруги, гражданина, перестало отзываться на призывъ любви, чести и истины. »Нѣтъ« — скажемъ мы имъ—»не цѣломудренна ваша Муза: это фурія, призванная бѣшенствомъ страстей, волновавшихъ и волнующихъ ваши общества. Тамъ, упившись кровію и слезами двухъ поколѣній, она глубже изучила пѣсни ада и, сидя, какъ страшилище человѣковъ на грудахъ костей, въ дыму стонущаго подъ ней вулкана, она въ судорожныхъ вопляхъ передаетъ вамъ свое нечестивое отверженіе отъ земли и неба. Принимая изъ устъ ея грозное вдохновеніе своихъ злополучій, и изображая окровавленнаго демагога страны вашей въ разныхъ видахъ, измożденнаго всѣми недугами нравственными, вы говорите намъ: вотъ человѣкъ! Но намъ ли принимать къ своему юному, свѣжему сердцу сіе горькое убѣжденіе мудрости, одряхлѣвшей среди неразумныхъ поползновеній — убѣжденіе, для котораго не стоитъ быть просвѣщеннымъ? Нѣтъ! Въ великихъ судьбахъ отечества нашего, въ крѣпости расцвѣтающихъ силъ, въ чистой, могучей любви къ Монарху, наслѣдованной нами отъ отцевъ нашихъ, мы отогрѣемъ страсти иныя — страсти, въ коихъ потомство съ именемъ Русскаго увидитъ все, что санъ человѣка и гражданина вмѣщаетъ въ себѣ доблестнѣйшаго.«—Такъ! время уже намъ, Мм. Гг., жить собственно своею жизнію; время приняться за обработаніе богатыхъ, прекрасныхъ

стихій, которыя мы носимъ въ собственномъ нашемъ духѣ и которыя доселѣ мы, по странному какому-то предубѣжденію, мѣняли на ветхую жизнь поколѣній чуждыхъ. —Содѣлаемъ для себя въ семъ случаѣ закономъ слова мужа государственнаго, который есть вмѣстѣ и человѣкъ просвѣщенный: »намъ стремиться должно,« говоритъ онъ,« къ тому, чтобы соединять въ одно, умъ открытый для всѣхъ благородныхъ впечатлѣній, для всѣхъ успѣховъ просвѣщенія общаго, и сердце страстно любящее *свое*, гордящееся своею народностію, и коему, какъ говоритъ Омеръ, и дымъ отечества пріятенъ и любезенъ.«

Наконецъ, позвольте мнѣ, Мм. Гг., обратиться къ самому себѣ. Осмѣлюсь ли обѣщать вамъ полное и удовлетворительное развитіе началъ, предложенныхъ мною въ семъ разсужденіи — я, ступающій предъ вами только первый шагъ на семъ неизмѣримомъ поприщѣ, гдѣ самое блестящее дарованіе осуждено испытать горесть паденія, если не поспѣшитъ къ нему на помощь опытность? Безъ сихъ средствъ, мнѣ ничего не остается, какъ только обратиться къ труду; онъ конечно не замѣняетъ дарованія, но по крайней мѣрѣ ускоряетъ опытность: сей трудъ я обѣщаю вамъ, —и если любовь человѣка къ своему долгу, одушевляя трудъ, дѣлаетъ его успѣшнымъ, такъ какъ бы онъ былъ плодомъ дарованія, то смѣю надѣяться, что и въ семъ отношеніи ожиданія ваши не будутъ тщетны.

Печатать позволяется:
С. Петербургъ, Мая 2 дня, 1833 года.
Ценсоръ В. Семеновъ.
въ типографіи Н. Греча.

2007042735